Вендиго, демон леса

Автор:
Эдуард Веркин

Вендиго, демон леса

Эдуард Веркин

На первый взгляд они напоминали людей. Голова, руки-ноги, одежда. Правда, драная, грязная и какая-то мешковатая, точно ее сняли с более толстых и рослых людей и надели на дистрофиков. Или если бы эти рослые и крупные люди вдруг усохли бы в два раза и от этого почернели. Они словно поднялись в мир из шахт, из подземелий, никогда не видевших света. Череп, обтянутый кожей, глаза белые и выпуклые, с маленькими, в точку, зрачками. Коричневые, будто никогда не чищенные, зубы, острые и злые, готовые к делу. В целом твари походили на оживших мертвецов из фильмов. Вендиго. Так они назывались…

Эдуард Веркин

Вендиго, демон леса

Глава 1

Охота

К полудню я вышел к дороге.

Я услышал ее еще утром – смесь запахов мазута, и разогретого железа, и ржавчины, так могла пахнуть лишь железная дорога после нескольких месяцев

жары, ну и дохлятиной, конечно, по большей части птицами. Вообще, дохлятиной у нас теперь почти везде пахнет, я привык и уже почти не замечаю, но тут соловьев попалось много, никогда не думал, что их столько в мире водится, по двадцать штук на каждый километр. Мертвые, но протухнуть не успели, словно высохли изнутри, и если нечаянно наступить, то белый прах взлетает облачком, точно от мышьей баньки, а глаза как бы остекленели, и крапинки красные внутри рассыпались, как бусы. Соловьи, однако.

Птицы сдохли. Вот что-то про выпь слышал, вроде бы она не болела, и журавли еще уцелели, а остальные все передохли, что дрозд, что страус, по радио еще месяц назад передавали. Дроздов я, кстати, тоже встречал в последнее время, лежали себе под ясенями, впрочем, может быть, это были щеглы, в птицах я не очень. А соловьев я узнавал, я и раньше встречал их дохлыми, а возле железной дороги соловьев валялось почему-то гораздо больше. Я устроился под старой осиной и отдыхал, стараясь привести дыхание в порядок, собраться с мыслями. Я здорово изменился за последнее время, стал думать по-другому. Сложнее, равнодушнее, старше, я постарел, сделался скучен и полюбил покой, дохлые соловьи мне совсем не нравились. Хотя мне в последнее время не нравилось все подряд, обращать внимание на это не стоило.

По дороге никто давно не ездил, здесь все тихо и забыто, и иван-чай, полыхнувший в апреле, заполонил насыпь и пророс даже сквозь рельсы, а в мае он уже высох и покоричневел, и пах аптекой и покоем.

Только вот здесь было совсем не безопасно, я не знал почему, просто знал. Может, из-за того, что примерно в километре к западу за поворотом лежал опрокинутый поезд.

В лесу совсем уж тихо, и мне это тоже здорово не нравилось. Когда не поют птицы, все время хочется оглянуться, все время ждешь нападения, все-таки лучше, когда они поют, только нет, сдохли они все, чума, однако, зацвели и загнили болота, выпустили пагубу…

Звери тоже дохнут, впрочем.

Я лежал около получаса, думал – куда? Через дорогу или вдоль? Очень хотелось через, в лес, в надежную полумглу подлеска, нырнуть, раствориться и бежать, бежать, бежать, а к вечеру привычно найти лежку, забиться в коряги, в старую

барсучью нору, выспаться. Но я понимал, что так нельзя. Лес пуст, а питаться черникой и лягушками третий день подряд я не мог, я не медведь какой. Поэтому вдоль дороги, к поезду, там наверняка что-то должно было остаться, еда, не ел уже три дня, много бегал и здорово спал в весе. С одной стороны, конечно, легко, с другой – сил мало осталось.

Направился все-таки к поезду. Медленно, чтобы слышать каждый свой шаг. Чтобы слышать, как скатывается по насыпи мелкий камешек, потрескивает высохший чертополох пополам с кипреем.

Лес вдоль линии был по-осеннему желт и даже немного прозрачен, листья опадали, при каждом шевелении ветерка податливо срывались с ветвей. Мир был желт, сух и хрупок, трава рассыпалась в летучую пыль под моими ногами, и эта пыль заставляла чесаться и без того воспаленные глаза. И небо, сожженное яростным зноем последних месяцев, оно тоже лезло в глаза, и спастись от этого было никак нельзя, язык распух и вываливался, и удержать его совсем не получалось.

С головой у меня еще проблемы, болит часто и сильно. Наверное, из-за того, что мозг не справляется с нагрузкой. Ведь я вышел в цвет. Нет, я и раньше различал некоторые цвета, особенно простые и яркие – красный, зеленый, синий, но теперь все стало по-другому, теперь на меня обрушились оттенки. Мозг заполнился лишней информацией и ощущениями, отчего я не узнавал некоторые предметы, и напротив, стал лучше различать другие. Спать еще все время хотелось. И уставал больше, засыпал чаще, просто так засыпал, чуть ли не через каждый час. Вот как сейчас, устал очень, уже не гожусь.

Я приближался к поезду, запахи становились резче и определенней, и я слышал, что еда там есть, точно есть.

Рельсы поворачивали вправо, начиналась низина, насыпь стала выше, можно было подняться на пути, но выходить на открытую местность не хотелось совсем. Решил шагать вдоль – так и незаметнее, и ручей в низине, может, не совсем пересох, удастся попить – с водой тоже трудности.

Впрочем, зря я надеялся на воду, не было ее, ручей пересох еще весной, в окаменевшей тине чернели вяленые головастики, они воняли рыбой и водорослями, я выбрал головастика побольше и попробовал.

Есть это было нельзя, колючки, и какая-то сухая дрянь, и вкус тины, гадость редкая, только слюну зря потратил.

Я поглядел влево, туда, где из насыпи торчала дренажная труба, из трубы тянуло гнилью и жженым пластиком, я не стал проверять, похоже, что там кто-то сдох, по запаху напоминает барсука, а ну его.

Перебрался через мертвый ручей и пошагал дальше, к повороту, за которым лежал развороченный состав.

Место катастрофы выглядело страшно. Вагоны друг на друге, изжеванный металл, колесные пары валяются вокруг, земля вспучена и вскорежена, погнутые рельсы задираются к небу, вещи. Вещей много, и все свеженькое, будто вчера все тут произошло. Клетчатые матерчатые сумки, портфели, рюкзаки, плоские компьютерные кейсы, все это лежало в желтой траве, почти совсем нетронутое, только кое-где мелочь просыпана, зубные щетки вот – их было слишком много, казалось, что этот поезд вез только зубные щетки.

Пахло едой уже очень сильно, настоящей едой, сухарями в круглых банках, чипсами, я попробовал воздух на язык и обнаружил, что сухари совсем рядом, в десятке метров, в синем вагоне с выбитыми стеклами, в корзине. Лежат. Я увидел эти сухари сквозь расстояние, и живот мой сжался в комок и заворочался внутри, как взбесившийся еж, и я уже почти озверел и уже почти рванул в вагон…

Почти.

В последнее время сильно болит голова, кроме того, меня преследуют предчувствия. Иногда я хочу пойти прямо, и останавливаюсь, и начинаю думать – стоит ли прямо? Может, лучше направо? Вот и сейчас я остановился и стал чего-то ждать. Когда тебе хочется немедленно куда-то бежать, лучше задавить это желание и хотя бы немного подумать, задержать дыхание, чтобы запахи не отвлекали. Или просто подождать, не стоит руководствоваться зовом желудка.

Вот я и ждал.

Налетел сухой ветер, вокруг меня завертелся хоровод листьев и запахов, и я не удержался и вдохнул. Крысы, шоколад, бумага, высохшие еще в мае васильки,

солидол и уголь и еще сорок три запаха и сто два оттенка, они ворвались в мой мозг и мгновенно нашли соответствия, и вызвали резкий приступ головной боли, так что я закрыл глаза и присел на рельс, и…

Я услышал ее.

Тварь. Молекулы тяжелого смрада, смешавшиеся с запахами знойного лета. Она поджидала меня на той стороне, в зарослях шиповника, если бы не ветер, внезапно сменивший направление, я бы и не узнал.

Наверное, дежурный. Твари завалили поезд уже давно и явно устроили пир – а для чего еще поезда ронять? Скорее всего поезд был загружен беженцами, уходящими к северу, много людей, есть чем поживиться, твари собрались здесь, в глухом удобном месте, и когда вагоны опрокинулись и люди выбрались на насыпь, они были готовы. А когда все закончилось, твари разложили по насыпи вещи и стали ждать.

Ловушка. Безмозглый мародер видит разрушенный поезд, видит разбросанные вещи и жадно стремится к смерти, как крыса, которая чувствует сыр и не чувствует мышеловку. Конечно, мародеров становилось все меньше и меньше, и тварей, которые их стерегли, тоже, и в конце концов осталась только одна, она сидела в кустарнике, поджидала кого-нибудь к завтраку.

Расстояние есть, приличное, если сорвусь прямо сейчас, может, и не прицепится. Во всяком случае, сильно подумает, прежде чем пускаться в погоню в одиночку – твари весьма чувствительны к энергозатратам и никогда не израсходуют больше, чем смогут получить. В одиночку гнать тяжело, а я отощал, мяса во мне негусто… К тому же я их вкусовым предпочтениям не очень соответствую, жестковат, и вообще, не вхожу в их пищевую цепочку. Вполне может быть, она пока про меня не знает, у твари, конечно, неплохой нюх, но не такой, как у меня, именно поэтому я еще и жив. А некоторые из них уже нет.

Если честно, мне почти сразу захотелось отсюда убраться. Перемахнуть через рельсы – и в подлесок, в подлесок, в тайгу, в тундру, вряд ли они туда добрались, хотя в наши дни все бывает, может, они уже везде. И я уже почти шагнул в сторону, когда снова качнулся ветер.

Загривок прочесала морозная дрожь, точно в шею мне вонзился ледяной еж, есть же морские ежи, почему не быть ледяным?

Я услышал человека.

Человека трудно с чем-нибудь спутать, человек воняет. Конечно, тварь не идет ни в какое с человеком сравнение, но в человеке тоже ничего ароматного нет, воняет порой и смердит. Потом, страхом, соплями.

Я не слышал человека уже больше месяца, во всяком случае живого. А этот был жив. И передвигался. Он шагал по рельсам, причем довольно беззаботно шагал – я его не только носом слышал, но еще и ушами. Как он наступал на гальку, как громко дышал и всхлипывал, и еще какой-то звук был, я не мог его определить, что-то негромко лязгало, точно человек что-то за собой тащил.

Дурачок какой-то. Он что, не знает, что в мире творится? Впрочем, возможно, и на самом деле дурачок, я и таких встречал. Психика не выдерживает, ломается, у людей удивительно неустойчивая психика, я это уже давно понял.

Что ж он так гремит-то?

Тварь сдвинулась. Ее запах усилился, я отчетливо слышал, как она идет вдоль насыпи параллельно с человеком. Разумеется, она шагала практически бесшумно. Она увлеклась человеком, и меня она не чуяла, я вполне мог уйти, какое мне дело до этого ненормального, что сам сунулся в пасть? Как он вообще выжил с такими-то навыками?

Интересно, почему не нападает? Этот дурень ничего не слышит, а тварь не нападает. Наблюдает. Впрочем, они любят поиграть, и сущность их в этом прекрасно проявляется, они ведь звери.

Она дождется, пока человек приблизится к еде, и выскочит из укрытия. Конечно же, человек испугается. Если у него найдется оружие, он будет стрелять. С таким же успехом можно стрелять в стену. Он испугается и побежит, и тварь пойдет за ним. Человек – легкая добыча, это будет уже не охота, это будет прогулка. Сплошное удовольствие – гнать добычу, зная, что ты в состоянии достать ее в несколько секунд. Или, может, по-другому – она хочет отогнать человека обратно к югу, к стае своей? Тоже правильно, мясо само пришло,

тащить не надо. Умная тварь. Бедный человек.

Бедный глупый человек.

Пусть сам разбирается, почему я должен ему помогать? Люди меня в последнее время не баловали, наоборот, за четыре последних месяца меня пытались убить трижды. Два раза стреляли, один – пытались сбить машиной. Про отравленное мясо я не вспоминаю, оно было разбросано почти возле каждого более-менее крупного населенного пункта. Так же, как трупы собак, енотов, иногда даже кошек – вот уж не мог подумать, что кошки им тоже мешали. Видимо, мешали, кошки – они ведь тоже слышат.

Бедный глупый человек, зачем ты сюда пришел?

Потом я уловил то, что мне совсем не понравилось. Запах человека – он был мне знаком. И теперь я понимал, почему человек попался в такую простую ловушку.

Человеку было совсем мало лет. Одиннадцать, может, двенадцать.

Глава 2

Лисий Лог

В мае я решил, что достаточно уже оторвался. В мае я решил остановиться. Поглядел в лужу и сказал себе, что вспоминать больше не буду. Не буду, никак, выкину из головы, сотру из памяти, не было ничего, не было, не хочу, чтобы в моей голове сохранился этот ужас, хоть капелька его, хоть точка. Все забыть, движения, запахи, звуки, хочу, чтобы в голове у меня пустота шептала, чтобы свет там только оставался, разливался от переносицы, плясали бы перед глазами разноцветные пятна, а в ушах море бы шумело. Или хотя бы озеро.

Здесь озеро было не такое, меньше в два раза и не шумит. Здесь вообще все маленькое, совсем крохотный городок, тысяч восемь, не больше, спокойное тихое место, несколько полудохлых источников с водой, пахнущей тухлыми яйцами. Местность лесистая, изрытая оврагами, прорезанная ручьями,

впадающими в вытянутое рогаликом озеро, людей немного, мне как раз подходит. Ондатры везде, как только начинает смеркаться, так они и вылезают из берегов, пускаются купаться и булькать, и пожирать придонных червей, тупые безмозглые животные, милые и безвредные речные крысы. А лис совсем нет, несмотря на название. И до железных дорог далеко, в последнее время я раздражителен к ним.

И промышленности тут никакой – и это тоже радовало. Если есть промышленность, есть и дороги, есть движение и суета, а мне нужна тишина, покой мне нужен, чтобы в себя прийти, забыть окончательно, отдохнуть. А вообще, кажется, тут раньше был курорт – в окрестностях слишком много заброшенных зданий, стоят в лесу, глядят пустыми окнами. Санатории. Лечились здесь раньше марциальными водами, а потом мода на воды прошла, городок завял, хотя воды продолжали быть вполне себе целебными, я сам попробовал – пил два дня и почувствовал себя гораздо лучше. Я стал различать ручьи по целебности воды, некоторые хорошо действовали на желудок, от других не хотелось есть, третьи делали эластичными суставы. И воздух тут был хорошим, пах травой и землей, и очень скоро я нашел в зарослях над оврагами золотой корень и другие полезные травы, что оказалось как раз кстати, и я решил остаться здесь подольше, немного поправить здоровье. Нервную систему опять же, а может, и на зиму решу остановиться – один ручей был почти горячий, и как раз недалеко от него заброшенная грязелечебница с вполне себе нормальным подвалом. Оставалось решить вопрос с питанием.

Вокруг Лисьего Лога сохранились неплохие леса, сосновые рощи, лиственницы, и небольшой кедровник, над оврагами росла малина и ежевика, на опушках – щавель и земляной орех, в прудах обитали жирные и ленивые лягушки, но если честно, это было все не то. Конечно, я мог начать промышлять мелкую домашнюю живность, ее тут водилось изрядно, и козы, и куры, и свиньи, добыть кого-нибудь было совсем нетрудно. Нетрудно, но опасно, все животноводы очень не любят, когда их питомцев зажирают, поэтому в их сторону лучше и не смотреть. Я думал.

За неделю я изучил окрестности довольно неплохо, выяснил, что обычных источников пропитания тут нет – ни мусорных контейнеров, ни ресторанов, а на единственную свалку местные жители выбрасывали только пластиковые бутылки и ничего съестного. Неплохим подспорьем стали трюфели, которые я, к своему удивлению, выучился отыскивать, трюфели оказались вкусными и вполне себе питательными, я научился их запасать и хранить. Но трюфели скоро

закончатся, они грибы сезонные, надо бы что-нибудь понадежнее.

И через неделю я нашел то, что мне требовалось.

Я обходил городок кругами, с каждым днем эти круги расширяя. И через три дня возле небольшой лесной речушки, впадающей в озеро, я наткнулся на оздоровительный лагерь, засек его по запаху – продвигаясь через лес, зацепился за тонкую ленту сочного мясного аромата.

Гороховый суп.

Раньше я ненавидел гороховый суп, разваренную желтую бурду, от которой пучило живот и к горлу поднималась изжога, теперь же…

Запах горохового супа показался мне восхитительным. Несколько минут я стоял и нюхал, ну, и еще немного подозревал. В последнее время у меня часто болела голова, снились странные бессмысленные сны, а иногда я еще слышал. Шорохи. Вздохи за спиной, я оглядывался и ничего не видел, и запахов вроде никаких, но все равно неприятно. Это от одиночества, если долго остаешься один, начинаешь слышать и видеть то, чего нет. И от того, что случилось, – не каждый удержится в разуме после того, что видел я. Да и по голове я получил изрядно, глаза совсем недавно ровно смотреть стали. И от цвета. И вообще, моему мозговому разложению было множество причин.

Именно поэтому запах горохового супа в лесу меня изрядно смутил, и некоторое время я старался разобраться – настоящий ли он?

Настоящий. Вряд ли галлюцинации могут длиться дольше пяти минут, гороховый суп на копченых костях присутствовал в нашей вселенной, и довольно недалеко от меня. Я выдохнул, а затем снова втянул воздух и уловил еще много вкусного и не очень – пшенную кашу с изюмом и черносливом, черный хлеб, грязные носки, чай со жженым сахаром, мокрое белье, мыши, шоколад, дым, жареная рыба, я повернулся и поспешил в сторону запаха.

С каждым шагом он становился все сильнее и сильнее, и я уже различал в запахе супа пережаренный лук и горелую морковь, наверняка нарезанную квадратиками, я тянулся за этим запахом, но тут справа зафыркал мотоцикл. Я успел спрятаться в кочках и пронаблюдал, как со стороны города тащится

старый, еле живой «Урал» с прицепом и сильно проржавевшей люлькой. В прицепе болтались два бидона с молоком, которое по пути превратилось уже почти в сливки, в люльке был хлеб, черный, кислый и вкусный. Вел мотоцикл пацан лет шестнадцати, к заднему сиденью мотоцикла он привязал флаг, когда мотоцикл влетал в канаву, флаг вздрагивал и развевался. На синем фоне рыжая лисья морда с черной повязкой через правый глаз, и галстук там еще был, зеленый, или тоже оранжевый, цвета все-таки плавали.

Лагерь. Это большая удача, я рассчитывал на привал охотников, на становище браконьеров, на привал копателей золотого корня, а тут лагерь. Возле лагеря можно продержаться до осени, а если очень повезет, то и зиму перетерпеть.

Мотоцикл протарахтел мимо, и я потащился вслед за ним, за хлебом и сыром, и через пару километров действительно встретился лагерь, он назывался так же, как город – «Лисий Лог». Здесь пахло уже совсем по-другому – баней, краской, медициной и антикомариными химикатами, бананами, здесь скрипели качели, свистели свистки, и кто-то орал и бил в кастрюлю. Приближаться к лагерю я не стал, не теряя времени, направился к главному месту. Конечно, у лагеря обнаружилась своя помойка – у каждого уважающего себя лагеря помойка должна наличествовать, небольшая, но весьма питательная. Я расположился возле нее в крапиве и стал ждать. Помойка выходила к этим зарослям, и ровно в три со стороны столовой показалась могучая повариха с большой алюминиевой кастрюлей, пахнущей разной едой. Повариха поставила кастрюлю на землю, жадно закурила, после чего опрокинула кастрюлю и удалилась, а я приступил к трапезе.

Не скажу, что я был в восторге от вареных картофельных очисток, недоеденной каши и копченых костей… Хотя нет, я был в восторге. На какое-то время я позабыл даже про то, что меня могут заметить, просто лопал, чавкал и брызгал слюной, а потом под картофельными очистками обнаружил чудесную говяжью кость с неожиданно щедрыми обрывками мяса. И тут уж я совсем не удержался и как самая заправская собака схватил ее поперек и уволок в глубь леса, свалился в траву и стал ее грызть, крошить зубами, стараясь добраться до костного мозга, а потом уснул, не удержался, успел только заползти под смородину.

Проснулся уже ближе к вечеру. Со стороны лагеря доносились трубные звуки и какой-то задорный рев, я прислушался и обнаружил, что это хоровое пение, кажется, «любо, братцы, любо». Я был сыт, меня не искусали комары, было

тепло, а со стороны помойки пахло свежей порцией еды. Я зевнул как следует и направился в сторону запаха.

Вечером в лагере давали творожную запеканку. Я умял восемь порций и успокоился, еда всегда меня успокаивала. Побродил немного вокруг «Лисьего Лога» и отыскал несколько полезных мест: старую бочку, в которой можно было переждать дождь, пригорок – на нем стояла водокачка, и лагерь оттуда просматривался отлично, ручеек с чистой водой, в котором не пересыхала вода, полянку с крупной земляникой. Нашел еще несколько заброшенных лисьих нор, для меня недостаточно просторных и поэтому бесполезных, нашел крапивные заросли, похожие на джунгли, старый вертолет, вросший в землю почти по пояс. Вертолет меня заинтересовал, потому что в нем обнаружилось сразу несколько тайников с конфетами и шоколадом, причем некоторым из них было по году, а то и больше – забытые, и я ими воспользовался.

И скоро я был сыт, у меня появилась крыша над головой, только вот лето… Оно оставалось жарким и ненормально сухим, с марта ветер не принес ни одного облачка, а солнце, напротив, жарило, как ненормальное. Но в лесу было много тени, она позволяла бороться с жарой. Очень скоро я отлежался и успокоился. И набрал вес, прибавил, наверное, килограммов пять и оброс мускулами, и шерсть стала толстой и крепкой, даже подшерсток завелся, густой и войлочный. Кости, скверно сросшиеся и от этого начинавшие ныть под каждое утро, успокоились. Морда же приобрела угрюмое, тяжелое выражение, так сильно пугавшее многих, так что когда я подходил к ручью попить водички, укрепляющей пищеварительную систему, я видел в воде весьма устрашающую картину. Хоть сейчас на выставку. Время, проведенное возле лагеря, явно пошло мне на пользу, я стал забывать весь этот кошмар, и порой мне казалось, что все, что случилось, случилось совсем не со мной. Что это был сон, липкий тягучий морок, каким-то образом прорвавшийся из эфемерного мира грез в наш…

Не хочу вспоминать.

Лагерь жил своей летней лагерной жизнью, и скоро от нечего делать я оказался в курсе всех этих каникулярных дел. От скуки. От печали. Видимо, в лагере отдыхала волейбольная команда, во всяком случае, в волейбол они играли с утра до вечера, с перерывами на обед, завтрак и ужин, хорошо так играли, разбившись на две команды – я забирался к водокачке и болел за ту, что в белых футболках, и она отчего-то всегда проигрывала. По вечерам в лагере случалось обязательное пение, в обед все хором изучали португальский язык, днем спали в

гамаках, подвешенных между деревьями, так хорошо спали, что меня тоже клонило в сон, и я укладывался возле водокачки и спал, прислонившись к теплому ржавому боку.

Вообще, атмосфера в лагере царила сонная, скорее всего из-за жары. И в волейбол они резались тоже как-то медленно, особенно после обеда. Эта сонная жизнь втянула и меня, плюс регулярное питание, плюс покой, и однажды я, как всегда, после обеда уснул. В кустах рядом с волейбольной площадкой.

Уснул себе и спал в покое, чувствуя, как какой-то наглейший муравей ползал у меня по носу, а может, это была божья коровка, жук-паровоз или еще какой-нибудь жук с дурацкой фамилией, гнать мне его было лень. Конечно, что-то там в голове не спало, потому что я слышал, что происходит вокруг, и услышал даже свист подлетающего мяча. И успел разжмуриться, и меня тут же хлопнуло по лбу, причем с такой силой, что из глаз брызнули крупные звезды.

И тут же я услышал голоса, двое пробирались через кусты и ругались, я не успел отползти, замер, постаравшись вжаться в землю и стать невидимым. Они остановились рядом со мной, один почти наступил мне на лапу.

– Ты чего так лупишь? – спросил один голос.

– Я не луплю, просто… Просто так получилось…

– Так получилось… – передразнил первый. – Ищи теперь в этих зарослях… Уже второй мяч теряем, между прочим, за неделю. Если не найдем, то Власов заставит сожрать две буханки черного. С майонезом.

– Не хочу с майонезом…

– А я и без майонеза не хочу.

Они замолчали и принялись шарить по кустам, мяч все не находился и не находился, со стороны площадки свистнули.

– Не находится! – крикнул один из искавших.

– Играйте запасным! – крикнул второй. – Сейчас найдем!

Я слышал, где лежит мяч, он закатился в одну из нор и застрял недалеко от входа.

– Нет нигде, – сказал второй. – Как провалился сквозь землю…

Они снова пустились бродить по кустам, бестолково вытаптывая лесные травы, плюясь и ругая Власова, и вообще лагерные порядки, и компот из прошлогодних сухофруктов. И вдруг остановились, и один сказал:

– Странно как-то… Мячи пропадают прямо на ровном месте, чертовщина все-таки тут у нас…

– Сейчас везде чертовщина. Мне брат звонил из дома, у них там тоже всякая ерунда происходит.

– Какая ерунда?

– Да всякая. Люди пропадают.

Я почувствовал в животе неприятную пустоту, хотя еще недавно я сходил к своей любимой кухне и позавтракал вчерашними макаронами. Люди пропадают. Значит, остановить это не удалось, значит, все продолжается. Хотя ведь люди могут пропадать по разным причинам.

– Как пропадают?

– Так. Брат рассказывает, у них соседи пропали. Жили себе жили, а потом раз – и нет их. Сразу целая семья.

Мальчишка перешел на шепот:

– И никаких следов не осталось. Они просто вышли куда-то ночью и дверь не закрыли. И другие люди исчезают – то здесь, то там. А по ночам кто-то бродит…

– Кто?!

Рассказывающий выдержал надлежащую паузу и продолжил пугательный рассказ.

– Оборотни, – сказал он. – Так-то…

– Вервольфы, что ли?

– Да не, оборотни просто. Вервольф – это когда человек в волка превращается, а оборотень это наоборот – зверь в человека. А самого человека он убивает, чтобы никто не узнал. Вот ты думаешь, что это твой друг, а это на самом деле не твой друг.

– А кто?

Рассказчик не ответил.

– Ты с чего это вдруг рассказал? – спросил второй. – Про друзей-то?

– Ни с чего. Просто. Просто ты не замечал, что Рыков… как-то изменился? После того, как он в лесу тогда заблудился.

– Изменился?

– Ну да. Ты вот посмотри, какого цвета у него глаза стали. Цвет поменяли. И в столовке он только мясо жрет. А вчера ночью я видел – едва только стемнело и все уснули, Рыков выбрался из своей койки, огляделся и направился прямиком-прямиком… А-аа! – рявкнул рассказчик.

Его собеседник взвизгнул, и, кажется, подпрыгнул.

– Придурок! – вскрикнул он. – Идиот! Дебил!

– Испугался! – рассказчик довольно рассмеялся. – Это шутка, не дергайся, давай лучше мяч искать.

– Дурак, я язык себе прикусил…

Они продолжили поиски, продолжили шуршать по кустам, а я лежал не шевелясь, все боялся, что они вот-вот меня обнаружат, и со страху наделают в штаны, и побегут вызывать взрослых…

Не нашли. И мяч не нашли, в норы заглянуть, конечно, не додумались.

– Куда все-таки мяч делся? – спросил рассказчик минут через пять блужданий. – Тоже исчез. Странно. А ты про наш этот лагерь историю слышал?

– Нет.

– Тоже мрак. Раньше тут была психлечебница, вот в этом самом месте. И тут опыты на психах проводили разные.

– Опыты?

– Ага. Сверхлюдей выводили. Чтобы лучше думали и быстро бегали. А трупы прямо здесь, в лесу, закапывали.

– Какие трупы?

– Обычные. Психи то и дело умирали, не получалось из них суперменов. Вот их здесь и закапывали.

– Прямо в лесу?

– Ага. Вот тут вокруг нас одни сплошные могилы, может, мы сейчас тоже на могиле стоим…

Нет тут никаких могил, если бы были, я бы чувствовал, я чувствую и столетнюю могилу, и раньше если, а тут чисто. Какие-то кости, конечно, лежат, но совсем древние. Кстати, и про психов вранье, выдумки, никаких психических лечебниц тут не было, я знал это наверняка. После лечебниц всегда остается тяжелый дух, в таких местах трудно дышать, а здесь ничего, как обычно.

– Ладно, хватит рыскать, – рассказчик плюнул. – Всё, исчез мяч.

– Власов…

– А пошел-ка этот Власов! Тут клещей наверняка полным-полно, нацепляем – мало не покажется. Я не собираюсь больше ничего тут разыскивать, а ты как хочешь.

– Да я тоже не хочу здесь, ну его. Тут и змеи вполне себе могут быть.

– И крокодилы.

– Крокодебилы!

Они рассмеялись и вернулись на площадку, а я остался лежать. Неприятные мысли бродили в моей голове, весьма неприятные. Люди пропадают целыми семьями. Конечно, это могли быть байки, дети любят сказки рассказывать, особенно страшные, но все же…

Все же я стал подумывать о том, чтобы податься еще дальше. От прекрасных здешних мест куда-нибудь поглуше. Казалось бы, ничего не случилось, подумаешь, болтовня…

Болтовня. С болтовней было тоже что-то не так просто. Через три дня после случая с мячом в томную послеобеденную пору я валялся в ручье, в тихом местечке, укрытом от посторонних глаз разросшимся вдоль воды кипреем. Вода текла прохладная, не успевавшая согреться на солнце, и в нестерпимую полуденную жару я пристрастился лежать в прохладе, к тому же вода текла явно полезная, настроение после нее у меня заметно улучшалось. К тому же в ручье водились пугливые рыбы необычной рубиново-изумрудной окраски, если я лежал в воде не шевелясь, они показывались из-под нависающих корней, приближались ко мне и начинали выбирать из шерсти мусор и прочую другую дрянь, это было приятно и полезно, самый все-таки настоящий курорт. И вот в один из дней я лежал в прохладе и дремал, наблюдая только за тем, чтобы голова не опустилась в воду, и услышал шаги, и это были совсем не дети. Сначала я почуял довольно противный сигаретный дым, смешанный с крутым чесночным ароматом, затем через лес затрещали шаги. Шли двое, это я определил легко, правда, вот ступали они как-то тяжело, не по-человечески, это

меня насторожило, не люблю я слишком тяжелых людей, подозрительно это как-то.

Вот и сейчас мне это не понравилось, я осторожно вылез из ручья и, не отряхиваясь, выбрался на берег. Двое приближались. Я вдруг подумал, что они тащат тело. Так сосредоточенно и молча можно волочь только труп.

Но это оказался совсем не труп. Два мужика в спортивных костюмах, скорее всего физрук и завхоз, тащили ковер. Точнее, палас – длинную, похожую на кишку трубу, изогнутую посередине. Мне сразу как-то полегчало, мужики натянули между двумя соснами веревку, закинули на нее палас и принялись лупить хлопушками.

Работали они с душой, а пыли в паласе оказалось премного, она распространилась по сторонам едким облаком, достигла меня, я не удержался и чихнул.

– Слышал? – спросил физрук – от него пахло потом и матами.

– Не, – ответил хозяйственник, от него пахло хлоркой, стружкой и лопатами – каждая вещь пахнет особенно, особенно пахнут лопаты, загробным миром, если точно.

– Кашлянул вроде кто-то…

Хозяйственник рыгнул и достал папиросы.

– Шишка упала, – сказал он. – Шишки падают с удивительными звуками, это как дождь.

Они принялись лупить по ковру, и скоро в воздухе повисла тяжелая пыль, и мне захотелось чихнуть снова, так что пришлось прикусить язык. Звук от ковра получался громкий, он раскатывался по лесу, отскакивал от деревьев, заполнял собой все вокруг, бум-бум-бум, и тишина.

Тишина наступила разом, я растерялся, глаза защипало от пыли.

– И что ты про все это думаешь? – спросил физрук.

– Про что?

– Про собрание.

Хозяйственник не ответил, закурил. И физкультурник тоже закурил, и некоторое время они курили на пару и молчали, распространяя вокруг себя тревогу и дым, от которого мне хотелось чихнуть еще сильнее.

– Собрание… По-моему, это чушь, – сказал хозяйственник. – Мракобесие мракобесит. Знаешь, мне иногда кажется, что наша Валентуха в секте состоит. Идея каждому ребенку выдать по навигатору… Это бред!

– Родители не против. Слышал, что в городах творится?! Дети-то пропадают вроде как.

– И пенсионеры еще. Все дружно пропадают, знаю-знаю. Иногда я сам думаю – а не пропасть ли?

– Зря шутишь, это серьезно. У нас тут спокойно вроде бы, но уже и здесь что-то…

– Что не то? – насторожился хозяйственник.

– Интернет не работает. И мобильники…

– Так они и сразу не работали, – сказал хозяйственник. – Тут место такое. Низина, ничего нового не работает. К тому же озеро может перекрывать.

– У меня сначала телефон работал. А сейчас… Я вчера на эту башню водонапорную забрался, попробовал оттуда. Только эсэмэска пришла с незнакомого номера. Там пишется, что на людей нападает кто-то…

– Кто?

– Ну… Вроде как… оборотни.

Хозяйственник засмеялся.

– Подростки прикалываются. Детки любят такие шутки, какие мне эсэмэски только не приходили…

– А если не прикалываются?

Хозяйственник стал хлопать по ковру. Редко, но сильно, с остервенением, хлоп-хлоп.

– Ты мне эти сказки, пожалуйста, не рассказывай, – попросил хозяйственник. – У меня нервная система ослаблена, сплю плохо, кричу по ночам, меня на лесопилке бревном ушибло.

– Нервная система… – вздохнул физрук. – Это да. Надо в городок, что ли, съездить, узнать как. А то давно не были.

– Надо…

Они продолжили выбивать ковер, а я отправился бродить по лесу. На меня опять накатило плохое настроение, опять предчувствия и все такое, весь день я ходил вокруг лагеря и думал, что мне делать. Выбор был – уходить или оставаться. Уходить вроде как пока не из-за чего, явных признаков нет…

Но я-то знал, как оно начинается. Вчера и явных признаков нет, а сегодня мертвяки под каждым кустом. Надо решать.

А в середине июня я понял, что выбор делать надо как можно скорее. Потому что меня заметили.

В тот день с утра в небе висела белая пелена, похожая на водяной пар, к полудню пар стал собираться в облачка, но в тучу так и не сложился. Поэтому я этот день и запомнил. Ну и заметили меня в этот день.

Я обнаружил это совершенно случайно, вдруг. Судя по утренней музыке, в тот день была суббота. С вечера я никак не мог уснуть, не мог даже нормально устроиться для сна, потому что под открытым небом не спалось, лезть в тесную

лисью нору тоже не захотелось, оставался вертолет, в нем-то я и устроился, залез под скамейку поглубже и уснул, почему-то очень хорошо уснул, как когда-то я засыпал дома, устроившись между диваном и стеной.

Проснулся поздно. В вертолете сохранялась прохлада, и вылезать наружу я не спешил, отдыхал себе под скамейкой. А потом услышал – по лесу перли двое, судя по шагам, дети. Выскакивать из-под лавки было поздно, я вдавился в пол и замер.

Мальчишки приблизились к вертолету, обошли вокруг, постукивая палками по бортам, звук получался гулкий, точно я сидел внутри барабана.

– Тут он, – сказал мальчишка. – Вон, под лавкой. Лежит…

– Это волк? – прошептал другой мальчишка. – Точно волк?

Они замолчали растерянно, а я не знал, что мне делать. Разве я похож на волка? Вот уж не думал, волки и окраса другого, хотя вроде и черные тоже встречаются.

– Я тебе говорил – здесь он живет, в вертолете.

– Волк, – повторил испуганный. – Настоящий…

– Я тебе говорил, а ты не верил.

Выскочить, что ли? Шугануть их? Кинуться с рыком, зубами клацнуть? Не надо лучше, еще перепугаются, поджилки порвутся. Буду лежать. Какой я им волк? Кажется, те же самые, что искали мяч.

– Я его давно заметил, он возле кухни болтается, очистки жрет. И выследил потихоньку.

– И что?

От обоих обильно пахло котлетами, видимо, только что из столовой. Котлетами их тут кормят, хорошо живут. Поступить бы в такой вот лагерь на службу,

охранять территорию, питаться шницелями и пшенной кашей. Хотя толку от меня, наверное, немного, вот и выследили…

Меня выследили, усмехнулся я. Какой-то сопляк выследил, нет, точно старею. Выследили, а взрослым не рассказали, интересно, почему?

– Надо рассказать вожатым, – предложил испуганный. – Если это волк…

– Нет, – ответил первый. – Нельзя.

– Почему? – Испуганный закашлялся, и кашлял долго, до хрипа и слез. – Почему?

– Это же понятно.

– Что понятно? Что понятно?! Ты же помнишь, что на собрании говорили? Ну, когда лектор приезжал? Про собак? Взбесились все собаки, стали нападать на хозяев, если вы увидите собаку… Надо сразу же сообщить директору лагеря.

– Так это же волк.

– Что волк, что собака, какая разница… А потом, он и на собаку тоже похож, у нас у соседей такая была. Слушай, давай расскажем, а? А вдруг он тоже бешеный, как и остальные?

Испуганный хлюпнул носом. На волка, оказывается, я похож. Интересно.

– Он не бешеный, – сказал рассказчик. – Я за ним наблюдаю давно уже, он тут живет. Возле кухни кормится.

– И что?

– Да просто же все. Это ведь настоящая тайна! А может, его получится приручить, а? Представь, мы его приручим и велим на Власова кинуться, а? Прикинь, как Власов наделает в штаны, а?

Не нравится им этот Власов явно.

– Ну, да, наверное… А ты умеешь дрессировать?

– Я в цирковую студию ходил два года. Правда, мы там гимнастикой обычно занимались, пирамиды всякие… Но дрессировка тоже, основы преподавали. И потом, у нас там пудель был. Это просто, короче.

Циркач. Везет мне, дрессировщик вот теперь, укротитель, сейчас как начнет укрощать, так сразу хоть топись.

– Давай сюда.

Зашуршали пакеты, и котлетами запахло сильнее, я подумал, что сейчас будут меня приручать. А ничего котлеты, пахнут неплохо, луку только много.

– Он спит, – сказал Циркач. – Дрыхнет.

– День же, – возразил второй, пугливый. – Странно. Нет, он не спит, кажется… Может, он совсем… Умер? Вон, спина-то седая…

Вот уж не знал, что у меня седая спина. Не думал, что все так плохо, старость, однако. И вообще. Котлеты, однако, вкусные, пусть с луком.

– И что делать? – спросил Пугливый.

– Ты его ткни, а я ему котлету предложу.

– Ага, я его ткну, а он мне пальцы по локти откусит.

– Да не откусит, он спокойный. Седой. А потом он не волк все-таки, а собака. Седая только…

– Вот сам и ткни.

Они немного поругались, кому меня стоит побеспокоить, и никто из них не решился.

– Он, наверное, сильно есть хочет, – сказал Циркач. – Собаки всегда есть хотят…

– Так давай ему тут оставим, а сами уйдем.

– Давай, – с облегчением согласился Циркач.

Они оставили котлеты и убрались.

Котлеты оказались очень вкусные.

С тех пор я стал питаться еще лучше, гораздо лучше. Мальчишки таскали мне котлеты, иногда приносили много, сразу штук по двенадцать, и в такие дни у меня не возникало потребности идти к столовой. Обычно я прятался в зарослях крапивы вокруг вертолета, и ждал, пока они оставят еду на лавке, однако постепенно я привык, и они привыкли, и я стал показываться. Они смотрели на меня с подозрением и не решались подойти, сидели на скамьях и болтали.

А я лежал и слушал. И настроение у меня ухудшалось и ухудшалось.

Глава 3

Нашествие

Вечером над лагерем повисла липкая тишина. Жара вытапливала из сосен смолу, и та растворялась в солнечных лучах, воздух был пропитан жидким янтарем, и любое движение вязло в нем, замирало и засыпало, сдавшись. Казалось, собирается гроза, небо давило на землю своей километровой высотой, у меня трещала голова и краснело в глазах, так что не было аппетита, я валялся в траве и смотрел, как перед моим носом пробивается из-под мха желтая упрямая сыроежка.

Во второй половине дня жизнь в лагере окончательно замерла, все попрятались по палатам, слышалось лишь потрескивание шифера по крышам и расхлябанное жужжание старенького кондиционера, задыхавшегося от перегрузки и запинавшегося на каждом шагу.

К сумеркам сыроежка окончательно выставилась из-под земли, развернула шляпку и тут же лопнула по краю, развалилась пополам, и из треснувшего нутра посыпались мелкие черные жуки и белые черви с коричневыми головками. Меня едва не стошнило, а настроение испортилось совсем и надолго, не люблю червей.

Я отошел в сторону и попытался послушать лес, он оказался совершенно глух и молчалив, словно это был не лес, а его модель, точная, но неживая, лес стал как пластмассовый, ветерок умер среди деревьев, протух и опустился к земле, и все пропахло тленом. И паутины много стало, с утра уже дважды мордой впутывался, почти на каждом дереве, и пауки еще, и с крестиками, и без, и брюхо у каждого надутое, сытое. Наверное, это с птицами связано – птицы передохли, расплодились мухи, гусеницы и прочие древоточцы, и в ответ на их обилие народились пауки, разных величин, есть себе и вполне большие, неприятные, воняют смертью. Хуже паука воняет только комар, только комар. Пауки ждали – что-то должно случиться. Сегодня ночью. Землетрясение. Или цунами, или метеорит упадет, непременно, он уже идет к земле по своей неумолимой звездной дороге, и я чую его, и от этого страшно.

Я лег на Землю и стал ждать. Небеса поворачивались, цепляя сосны зодиаками, а я думал – с чего это вдруг все вращается по часовой стрелке, а не наоборот, есть ли в этом смысл. Я пробовал закрыть глаза, и тогда созвездия начинали переворачиваться у меня в голове, и от этого я и сам вращался, только в другую сторону, и вселенная лежала у меня перед самым носом. А случилось уже перед рассветом, когда небо позеленело и приготовилось к свету.

Они появились разом, со всех сторон, я услышал их слишком поздно, когда они были уже метрах в пятидесяти. Между деревьями полилась кислая затхлая вонь, и я узнал в ней лис.

Я вскочил, пытаясь понять, отчего их так много – запах накатывал волной, густой и плотной, так что я не сумел опознать количество зверей, их было слишком много, десятки, может, сотни. И со всех сторон.

Не удержался и зарычал, запах был слишком мерзкий, выжимал слезы и вызывал тошноту, я начал отступать к лагерю, пятиться, оскалившись. И вот они появились, между деревьями полыхнуло оранжевое, наверное, и не оранжевое, а какое-то грязно-желтое, справа тоже.

Лисы. Злые худые лисы, голодные и свирепые, они должны были жить тут, в земельных норах, однако на самом деле они пришли с юга в огромном количестве. С виду не бешеные, то есть никаких внешних признаков – ни слюны из пасти, ни пены, ни дикого взгляда, ни целеустремленности – бешеные, они всегда только прямо ходят, а эти вроде ничего, в глаза смотрят. И бегут семьями – я успел заметить щенков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/verkin_eduard/vendigo-demon-lesa

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити